

Артур Кияс

Станислав Пташицкий в России и в Польше

Studia Rossica Posnaniensia 38, 125-137

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

СТАНИСЛАВ ПТАШИЦКИЙ В РОССИИ И В ПОЛЬШЕ

STANISŁAW PTASZYCKI IN RUSSIA AND IN POLAND

АРТУР КИЯС

ABSTRACT. Stanisław Ptaszycki (1853–1933) graduated from the Faculty of History and Philology of Saint Petersburg University. He was a philologist and historian as well as expert on Russian literature and culture, who spent almost forty years of his life on the Neva River. As early as in the 1870s he started looking for Polish historical documents in the archives and libraries of St. Petersburg. The documents he found were systematically published both in Russian and Polish. In May 1890, in recognition of his achievements related to the printed works, he obtained the right to give lectures at Saint Petersburg University as an assistant professor. From the end of the 19th century until 1918 he simultaneously taught Russian language and literature at Saint Petersburg Roman Catholic Theological Academy, first as a lecturer and then as a professor. He was also engaged in activities for Polish emigrants in St. Petersburg. After leaving Petrograd, i.e. in 1918, he came to Poland where he started working at the Catholic University of Lublin and later at Stefan Batory University in Vilnius as a professor. In 1922 he became a member of a special commission for the recovery of Polish art that had been illegally exported to Russia. In 1926 he took up a position of director-general of the State Archives. He left extensive writings in many branches of the humanities. He was called an ambassador for learning and culture in the capital of Russia both by Poles and Russians. He presented the achievements of Russian history and literature in Polish writings.

Artur Kijas, Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Poznań – Polska.

Среди поляков, связанных с Петербургом, его учреждениями и научной средой, долгое время исключительной фигурой был Станислав Пташицкий. Оригинальные, как научные, переводческие, так и организационные достижения Пташицкого до настоящего момента еще не были основательно рассмотрены. Заявленная еще в 80-х гг. XX века монография ученого, подготавливавшаяся Марией Трояновской, до сих пор не была опубликована¹. О его достижениях, таким образом, информирует только несколько некрологов и статей, опубликованных после смерти Пташицкого в 12-м томе „Археиона”².

¹ Станислав Конарски, автор статьи о Пташицком в *Польском биографическом словаре*, упоминает о машинописи работы о нем, представленной к печати. См.: PSB, t. XXIX, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź 1986, z. 2, s. 297.

² В частности: К.М., *Śp. Stanisław Ptaszycki*, „Kwartalnik Historyczny” 1934, t. 48, s. 481–484; C. L i s o w s k i, *Stanisław Ptaszycki*, „Ateneum Wileńskie” 1933–1934, t. 9,

Станислав Людвик Пташицкий всегда чувствовал себя поляком, хотя и провел в России много лет. Всю взрослую жизнь, однако, ему сопутствовало сознание близкого родства языков и культур: восточно-славянской и польской. Несмотря на то что он видел в истории периоды, когда взаимные связи ослабевали из-за доминирования эгоистических государственных интересов, самое большое место в его творчестве занимали те события, которые были полезны обеим сторонам.

Пташицкий принадлежал к достаточно многочисленному, особенно во второй половине XIX века, кругу поляков, родившихся в России. Пташицкие герба Лебедь издавна были шляхтой с польско-русского пограничья³. Отец Станислава, Леон (Лев), был совладельцем имений Саковиче и Лосице в Пинском уезде. Его сыновья, Станислав и Ян (позже выдающийся математик, профессор Петербургского университета), в 1866 году были внесены в шляхетские книги Минской губернии. Мы не знаем, что привело к тому, что в начале 50-х годов XIX века Лев Пташицкий оказался в центре России. Это могла быть доходная должность, приносящая значительную прибыль, поскольку Станислав пришел на свет 12 апреля 1853 года в селе Кузово Московской губернии, где его отец был управляющим имениями Виттгенштейнов⁴. По окончании классической гимназии в Вильнюсе в 1872 году он поступил на Врачебное отделение Петербургского университета. Из-за плохого состояния здоровья он на определенное время был вынужден отказать от учебы. Он выехал к матери (Елизавете Пташицкой, урожденной Рошицкой) на Подлясье, где немного подлечился. В 1873 году он вернулся в университет, но не на Врачебное отделение, а на Историко-филологическое. Среди поляков, учившихся в российских университетах, этот факультет не пользовался особым успехом. Польская молодежь чаще всего выбирала право и медицину. Потом шли естественные и математико-физические науки. Однако можно сказать, что историко-филологическое отделение не только не ослабило польскости Пташицкого, но еще более ее усилило. Хотя на этом факультете работало много выдающихся профессоров, Пташицкий своими мастерами всегда считал двух: известного слависта Измаила Срезневского, монографические лекции которого, особенно *Энциклопедическое введе-*

с. 458–461; W. Łopaciński, *Stanisław Ptaszycki*, „Przegląd Historyczny” 1935, t. 32, с. 292–307; его же, *Rys życia Stanisława Ptaszyckiego*, „Archeion” 1934, t. XII, с. 28–44.

³ *Rodzina. Herbarz szlachty polskiej. Ze zbiorów Seweryna hr. Uruskiego i materiałów archiwalnych*, t. XV, Warszawa 1931, с. 70.

⁴ Владимир Якубский приводит в качестве места рождения Пташицкого село Курово Московской губернии. См.: *Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь*, Москва 1979, с. 285.

ние в славянскую филологию или же *Славянские древности*, пользовались большой популярностью не только среди студентов-гуманитариев, и Владимира Ламанского, историка, филолога, этнографа, а также ведущего представителя российского панславизма⁵. За критический разбор *Изображения (Wizerunek)* Николая Рея, конкурсной работы, написанной под руководством Ламанского, он в 1876 году получил золотую медаль. Год спустя, со степенью кандидата историко-филологических наук, он закончил университетское образование. Предыдущие отличия, а также советы наставника обусловили выбор научной карьеры Пташицким, которую он начал с работы ассистентом на кафедре славянской филологии Петербургского университета. Практически одновременно он начал работать переводчиком польского языка в III Департаменте Правительствующего Сената Министерства Юстиции, что обеспечило ему дополнительные финансовые средства. Кроме того, с октября 1879 года он был преподавателем русского языка и литературы в архиепископской католической семинарии в Петербурге⁶. В 70–80-х годах XIX века он, несомненно, относился к людям с достаточно всесторонним филологическим образованием. С октября 1879 года по сентябрь 1912 он был также учителем латинского и русского языка в частной петербургской гимназии Бычкова, а позже в гимназии Гуревича.

Первой опубликованной работой Пташицкого была развернутая рецензия (насчитывающая около 40 страниц) исследовательской работы Викентия Макушева, посвященная русскому влиянию на старопольскую литературу, изданная в 1877 году в 191-м томе „Журнала Министерства Народного Просвещения”⁷. Макушев, родившийся в 1837 году в Бресте в польско-русской семье (его мать принадлежала к известному дворянскому роду Михаловских), воспитанный в русской среде, после нескольких лет работы в дипломатии (в 1862–1865 гг. он был секретарем русского консульства в Дубровнике) стал профессором славянской филологии в Императорском Варшавском университете⁸. Достаточно сильно увлеченный, по крайней мере поначалу, своей ру-

⁵ W. Łopaciński, *Rys życia Stanisława Ptaszyckiego*, указ. соч., с. 28–29.

⁶ Там же, с. 31. Чтобы обучать русскому языку и литературе, он должен был получить согласие верховной власти. Он его получил благодаря поддержке куратора Петербургского научного округа князя Михаила Волконского. За Пташицкого ходатайствовал Александр Деспот-Зенович, бывший тобольский губернатор, тайный советник двора. Кроме того, формально согласие на кандидатуру Пташицкого утвердил могилевский митрополит Антоний Фиалковский.

⁷ „Журнал Министерства Народного Просвещения” 1877, т. 191, № 5 (май), отд. 3: *Критическая и библиографическая заметки*, с. 127–162.

⁸ *Славяноведение в дореволюционной России...*, указ. соч., с. 231–232.

сификаторской миссией, он старался доказать влияние, какое на польскую литературу оказало творчество восточнославянских авторов. В монографии *История Варшавского университета 1807–1915 (Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1807–1915)* можно найти утверждение, что:

Филологи Антон Будилович, Викентий Макушев, Осип Первольф в памяти слушателей остались в качестве тех, кто неустанно убеждал о превосходстве русского языка над другими славянскими „наречиями”⁹.

Пташицкий в своей рецензии опроверг многие тенденциозные выводы автора *Следов русского влияния на старопольскую письменность*, доказывая оригинальность литературы польского Ренессанса. В следующем году в издающемся в Петербурге историческом ежемесячном журнале „Русская старина” была опубликована статья Пташицкого *Иоахим Лелевель как критик „Истории государства российского” сочинения Карамзина*¹⁰. Много лет спустя после этой работы к вопросу лелевелевской критики Карамзина в сборнике статей *Романтические параллели. Польско-русское литературное родство (Paralele romantyczne. Polsko-rosyjskie powinowactwa literackie)* вернулся Богдан Гальстер. Перечисляя авторов, которые до него занимались этим вопросом, он упоминал Александра Брюкнера, Генрика Ловмянского и Халину Стохель, совершенно забывая о Пташицком¹¹. Зато он использовал письма Лелевеля Фаддею Булгарину с 1822–1830 гг., опубликованные Пташицким в Петербургском календаре „Звезда” за 1881 г., в котором появились интересные замечания Лелевеля как относительно общей концепции труда Карамзина, так и отдельных периодов, бывших предметом его исследования. Жаль, однако, что русскоязычная статья Пташицкого, необыкновенно интересная и эрудированная, до сих пор малоизвестна польской науке.

Большое значение для исторических и литературных исследований имело изучение Пташицким архивов и библиотек Петербурга под углом находящихся в них материалов, связанных с Польшей и поляками. Пташицкий начал этим заниматься уже в конце 70-х годов. Поисковые работы он продолжал после возвращения из-за границы в 1884 году. Назначенный в октябре этого года архивистом Литовской метрики, вывезенной в Петербург после восстания под руковод-

⁹ *Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1807–1915*, pod red. C. Kieniewiczza, Warszawa 1981, с. 540.

¹⁰ *Иоахим Лелевель как критик „Истории государства российского” сочинения Карамзина. Переписка Лелевеля с Ф.В. Булгариным. 1822–1830 гг.*, сообщ. Т.А. Сосновский; перевод с прим. С.Л. Пташицкий, „Русская старина” 1878, т. XXII, с. 633–656; т. XXIII, с. 75–98.

¹¹ B. G a l s t e r, *Paralele romantyczne. Polsko-rosyjskie powinowactwa literackie*, Warszawa 1987, с. 27, примечание 10.

ством Костюшко и хранившейся в III Департаменте Правительствующего Сената, он в короткие сроки сумел просмотреть значительную часть документов. Должность архивиста Пташицкий исполнял до момента включения метрики в архив Министерства Юстиции в Москве в 1887 году. За это время он упорядочил источники и опубликовал их инвентарь под названием *Описание книг и актов Литовской метрики* (СПб 1887).

Следует признать, – писал Ян Якубовский, – что Пташицкий за короткий период работы в должности архивариуса (чуть более 3 лет) не только смог прекрасно ознакомиться с системой и содержанием Литовской метрики, о чем свидетельствует изданный им первый и пока единственный печатный инвентарь метрики, но также основательно познакомился со старым польско-литовским правом¹².

В течение долгих лет для исследователей, занимающихся историей Великого Княжества Литовского, этот труд имел фундаментальный характер и несмотря на прошедшие года остается им и дальше, хотя первое издание относится к библиофильским уникалам. В 1984 году в фотоофсетном издании книга была перепечатана в США Патрицией Гримстед Кеннеди в сотрудничестве с Иреной Сулковской-Курасевой¹³.

С опорой на материалы метрики появились также различные историко-генеалогические работы Пташицкого: *К истории литовского права после третьего статута*, напечатанная в „Журнале Министерства Народного Просвещения” в 1893 году, а также историко-генеалогические работы по родам Деспот-Зеновичей (*Деспоты-Зеновичи в конце XVI – начале XVII веков*)¹⁴ и Пузынов (*Князь Пузыны. Историко-генеалогические материалы*, СПб 1899), проживавших на окраинах Польши.

Пташицкого очень интересовали исследования российских полонистов. Уже в 1878 году он подготовил рецензию словаря польского и русского языка, составленного Петром Дубровским. После смерти автора словаря (Дубровский умер в Скерневицах 29 октября / 10 ноября

¹² J. J a k u b o w s k i, *Stanisław Ptaszycki jako badacz Metryki Litewskiej*, „Archeion”, 1934, t. XII, указ. соч., с. 54. Пташицкий посвятил метрике также несколько статей, в т.ч. *Metryka Litewska w Petersburgu*, „Kraj” 1882, nr 21, с. 2-7; *Cesarska Biblioteka Publiczna i Metryka Litewska w Petersburgu*, Kraków 1889.

¹³ *The „Lithuanian Metrica” in Moscow and Warsaw: reconstructing the archives of the Grand Duchy of Lithuania*. Including an annot. Ed. of the 1887 inventory comp. by Stanisław Ptaszycki, Cambridge, Mass. 1984 (Harvard Univ.).

¹⁴ „Русская старина” 1878, т. XXI, с. 125–138. Александру Деспот-Зеновичу, тобольскому губернатору в 1862–1867 гг., Пташицкий посвятил посмертное воспоминание с портретом в польскоязычной газете „Kraj”, издаваемой Эразмом Пильцем в Петербурге. См.: „Kraj”. Dział Literacko-Artystyczny, 1897, I półrocze, с. 133–134.

1882 года) в „Журнале Министерства Народного Просвещения” он опубликовал некролог, в котором указывал, что этот исследователь был также автором работ об Адаме Мицкевиче и Иоахиме Лелевеле¹⁵. Пташицкий, кроме того, рецензировал работы известных российских историков: Николая Кареева *Польские реформы XVIII века*¹⁶, Николая Любовича *Начало католической реакции и упадок реформации в Польше*¹⁷, Дмитрия Бантыша-Каменского *Обзор внешних сношений России*¹⁸. Несколько статей он посвятил русскому первопечатнику Ивану Федорову, обращая особое внимание на его связи со Львовом¹⁹. Исследователь также имеет заслуги в знакомстве русских с польскими произведениями и авторами. Ранее уже был упомянут Николай Рей, которому на рубеже 80–90-х гг. XIX века Пташицкий посвятил несколько интересных статей²⁰. В 1888 году журнал „Библиограф” опубликовал статью Пташицкого *Длугош, польский историк XV столетия*²¹.

В 1877 году в „Научном и литературном путеводителе” („Przewodnik Naukowy i Literacki”) появилось первое польское описание Петербурга под названием *Петербург в 1720 году (Petersburg w roku 1720)*²². Публикацию с рукописи, находящейся в Институте Оссолинских, под-

¹⁵ П. П. Д у б р о в с к и й, „Журнал Министерства Народного Просвещения” 1882, т. 224, № 12 (декабрь), с. 98–101. О работах Дубровского и его контактах с поляками пишет Е. Рузевич, см.: J. R ó z i e w i c z, *Polsko-rosyjskie powiązania naukowe (1725–1918)*, Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk–Łódź 1984, с. 108, 120, 122–124 и след.

¹⁶ Н. К а р е е в, *Польские реформы XVIII в.*, СПб 1890, „Журнал Министерства Народного Просвещения” 1890, т. 268, № 3, отд. 3, с. 199–204.

¹⁷ Н. Н. Л ю б о в и ч, *Начало католической реакции и упадок реформации в Польше. По неизданным источникам*, Варшава 1890, „Журнал Министерства Народного Просвещения” 1890, т. 269, № 5, отд. 2, с. 164–172.

¹⁸ Д. Н. Б а н т ы ш - К а м е н с к и й, *Обзор внешних сношений России (по 1800 г.)*, изд. Ком. Печатания государственных грамот, Москва, 1897, с. 319.

¹⁹ Iwan Fedorowicz, *drukarz ruski we Lwowie w końcu XVI w. Ustęp z dziejów drukarstwa w Polsce*, „Rozprawy Akademii Umiejętności Wydziału Filologicznego”, Kraków 1884, т. XI, с. 1–43. См. также: Иван Федоров, *московский первопечатник. Пребывание его во Львове в 1573–1583 гг. Очерк по архивным материалам*, „Русская старина” 1884, т. 41, с. 461–478.

²⁰ С. П т а ш и ц к и й, Николай Рей, польский писатель XVI в. Несколько новых данных для его биографии, [в:] *Сборник статей по славяноведению*, сост. и изд. учениками В. И. Ламанского, СПб 1883, с. 127–148; его же, *К истории литературных заимствований в польской литературе XVI в.: Марчелло Палиндженио Стеллато и Николай Рей*, [в:] *Сборник статей в честь Ивана Васильевича Помяловского*, СПб 1897, с. 179–190.

²¹ С. П т а ш и ц к и й, Длугош, польский историк XV столетия (Читано на заседании филологического общества, состоящего при С.-Петербургском университете 15 апреля 1888 г.), „Библиограф” 1888, № 9–10, с. 301–307.

²² *Petersburg w roku 1720 według opisu Polaka*, „Przewodnik Naukowy i Literacki” 1877, R. V, z. 6, с. 520–532; z. 7, с. 603–616.

готовил заслуженный для польского источниковедения Войцех Кентшинский. Хронологически это было второе описание данного города наряду с первым анонимным на немецком языке²³, автором которого был, скорее всего, секретарь посольства Августа II к царю Петру, которое возглавлял Станислав Хоментовский, – Михаил Пузына. Это описание предоставило большое количество информации не только о самом Петербурге и его зданиях, но и о культурных учреждениях города, жизни при дворе и обычаях „новой” России. Через два года после его публикации в „Русской старине” появился русский перевод этого описания, подготовленный Пташицким²⁴. Он произвел определенные сокращения по отношению к польской версии. В русской версии, однако, сохранились фрагменты, касающиеся как Петербурга и его окрестностей, так и празднования годовщины победы Петра над шведами под Полтавой, а также строительства Ладожского канала. Перевод Пташицкого обратил внимание на значение польскоязычных источников по истории России. Стоит о нем вспомнить также в контексте праздновавшегося несколько лет назад трехсотлетия основания Петербурга и роли, которую польская стихия сыграла в жизни петровской столицы²⁵.

Рассматривая научную деятельность Пташицкого, нельзя не отметить и его заслуги в области славяноведения. В 1903 году в Петербурге вместе с известным историком русского языка и диалектологом Алексеем Соболевским он издал таблицы русской палеографии, составленные главным образом из документов XIV века (*Палеографические снимки с русских грамот преимущественно XIV века*)²⁶, а в 1907 году по заказу Российской Академии Наук – том жемайтских (жмудских) и литовских хроник, дополненный открытым Пташицким польским текстом литовской летописи (т. наз. ольшевский кодекс Хоминских). Они были опубликованы в рамках ценной и пользующейся признанием серии Полного Собрания Русских Летописей в качестве 17 тома. Несколько десятков лет спустя это издание высоко оценил знаток литовско-русских летописей Николай Улащик²⁷.

²³ *История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах, т. 1: XV–XVIII века*, Москва 1976, с. 112–113.

²⁴ *Петербург в 1720 году. Записки поляка-очевидца*, перевод [по рукописи] с польского и предисл. С.Л. Пташицкого, „Русская старина” 1879, т. XXV, № 6, с. 263–290.

²⁵ Зигмунт Лукавски упоминает, что о поляках в Петербурге можно говорить уже в 1703 г. См.: Z. Ł u k a w s k i, *Ludność polska w Rosji 1863–1914*, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk 1978, с. 31.

²⁶ Изд. С.-Петербургского археологического института, под ред. А.И. Соболевского, СПб 1903.

²⁷ Н.Н. У л а щ и к, *Введение в изучение белорусско-литовского летописания*, Москва 1985, с. 52, 55, 58–60. Публикуя текст летописи в принципе правильно, – пишет

Второй важной областью деятельности Пташицкого была работа в пользу петербургской Полонии. По словам Людвика Базылева, он импонировал не только как польский ученый в Петербурге, но и как организатор и общественный деятель²⁸. В 1886–1890 гг. он был членом постоянной ревизионной комиссии при костеле св. Екатерины, самого старого католического храма Петербурга. От ее имени Пташицкий занимался двумя польскими школами, мужской и женской. Некоторое время он даже был директором мужской школы, а в 1893–1896 гг. преподавал историю русской литературы в старших классах женской школы²⁹. Более десятка лет спустя Пташицкий посвятил своей педагогической работе статью *Польское обучение в Петербурге (Nauczanie polskie w Petersburgu)*, опубликованную в издававшемся в Петербурге „Национальном вестнике” („Dziennik Narodowy”)³⁰. С 90-х годов XIX века он принимал активное участие в работе организационных комитетов археологических съездов в империи: IX в Вильнюсе в 1893 году, X в Риге в 1896 и XI в Киеве в 1898 году³¹. На Первой общероссийской выставке печатного дела в Петербурге в 1895 году он организовал исторический отдел, а в нем, при участии Сигизмунда Вольского, секцию польской печати. В мае 1896 года на основе изданных ранее работ Пташицкий получил *veniam legendi* и в качестве доцента на кафедре славистики Петербургского университета преподавал историю польской литературы и проводил просеминар по польскому языку³². С 1899 по 1918 год он работал первоначально в качестве преподавателя, а потом профессора русского языка и литературы в петербургской Римско-католической духовной академии.

Улашик, – Пташицкий, однако, не избег мелких ошибок, например, неправильная расстановка разделяющих знаков, а иногда знаками вопроса обозначал диалектизмы. Там же, с. 74.

²⁸ L. B a z y l o w, *Polacy w Petersburgu*, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź 1984, с. 287–288.

²⁹ S. P t a s z y c k i, *Z moich wspomnień z nad Newy*, [в:] *Z murów Św. Katarzyny. Księga pamiątkowa b. wychowanek i wychowanków gimnazjum przy kościele Św. Katarzyny w Petersburgu*, t. 1: *Kościół Św. Katarzyny a życie polskie. Szkoły żeńskie. Szkoły męskie*, Warszawa 1933, с. 51–65.

³⁰ „Dziennik Narodowy” 1918, nr 194, с. 1. См. также: S. P t a s z y c k i, *Z moich wspomnień...*, указ. соч., с. 51 и др.

³¹ M. M. B l o m b e r g o w a, *Polscy członkowie rosyjskich towarzystw archeologicznych 1839–1914*, Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk-Łódź 1988, с. 131–132. С января 1893 г. Пташицкий был сотрудником Императорского Российского археологического общества. Там же, с. 128.

³² J. R ó z i e w i c z, *Polско-rosyjskie powiązania naukowe*, указ. соч., с. 181. Зыгмунт Лукавски пишет, что среди лекций Пташицкого был монографический цикл, посвященный Мицкевичу. См.: Z. Ł u k a w s k i, *Ludność polska w Rosji...*, указ. соч., с. 172.

Само уже краткое перечисление организационных и научных начинаний Пташицкого рубежа XIX–XX веков свидетельствует о том, что он стал человеком-институтом. В 1901 году он был назначен в состав комиссии Российской Академии Наук, обрабатывающей используемые поляками римско-католического вероисповедания имена³³. В 1903 году Пташицкий работал при создании историко-этнографического отдела на I Международной выставке костюмов в Петербурге. Год спустя ученый участвовал в съезде славянских филологов и историков, во время которого предложил проект разработки библиографии славяноведения.

В начале XX века была материализована мысль Пташицкого о создании где-нибудь на севере России крупного польского центра. В 1903 году в финском городке Териоки (недалеко от Петербурга) он приобрел виллу, вблизи которой позже была построена часовня Пречистого сердца Иисусова. Деревенская резиденция Пташицких стала вскоре важным центром польской жизни. Однако здесь собирались не только ученые-поляки, но и русские, с которыми Пташицкий тесно сотрудничал.

Следует подчеркнуть, что уже тогда оригинальные достижения Пташицкого были отмечены в сборнике русских статей по славистской тематике, а биографическая статья о нем появилась в словаре Семена Венгерова³⁴.

После революции 1905 года Научным комитетом Министерства Просвещения Пташицкий был назначен в группу, разрабатывающую введение польского и литовского языка на уроках религии в начальных и средних школах на территории девяти западных российских губерний. С 1907 года он участвовал в работах Польского центра самодеятельности в Петербурге. С этого же года он стал вице-председателем, а с 1910 председателем Польской школьной матицы³⁵. Он состоял в Любительском литературном комитете польского театра, работавшего в столице России. В июле 1910 года Пташицкий принимал участие

³³ Наряду с Пташицким в состав комиссии вошли известные ученые: Алексей Соболевский и Алексей Шахматов, а также профессор Римско-католической духовной академии в Петербурге ксендз Казимир Явнис. См.: ks. A. P e t r a n i, *Kolegium Duchowne w Petersburgu*, Lublin 1950, с. 116.

³⁴ *Новый сборник статей по славяноведению*, сост. и изд. учениками В.И. Ламанского, СПб 1905, с. 372–384; С.А. В е н г е р о в, *Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых*, т. 6, СПб 1904, с. 153–155.

³⁵ M. M a d z i k, *Polskie Towarzystwo Pomocy Ofiarom Wojny w Rosji w latach I wojny światowej*, Lublin 2011, с. 33. Центр был создан в 1906 г., а общество Польская школьная матица – в 1907 г. В принятой тогда поправке в уставе Матицы подчеркивалось, чтобы в школах, находящихся под опекой этого общества, обучение велось в „христианском духе”, „Kraj” 1907, № 10, с. 12.

в праздновании годовщины Грюнвальдской битвы в Кракове, а в 1911 году в Общероссийском библиотекарском съезде в Петербурге. Так же, как и ранее, он публиковал в периодических изданиях библиографические перечни польских изданий по истории, литературе, языковедению и этнографии. Он информировал русских о польских публикациях, а поляков о книгах на польские темы, выходящих в свет в России. Пташицкий работал также при издании мемуаров умершего в Петербурге в 1798 году Станислава Августа Понятовского: как их французского оригинала, изданного в 1914–1924 гг. в двух томах по инициативе Российской Академии Наук в Петербурге/Ленинграде, так и начатого вскоре после издания первого тома польского перевода (t. I, cz. 1, Warszawa 1915). Продолжение этой работы стало невозможным из-за входа немцев в Варшаву в августе 1915 года³⁶.

Пташицкий не перестал заниматься научной и общественно-полезной деятельностью в пользу Полонии и поляков также во время I мировой войны. В январе 1915 года он стал соавтором телеграммы начальнику генерального штаба российской армии Николаю Янушкевичу по вопросу приостановления депортации поляков – подданных Австро-Венгрии и Германии в глубь России³⁷. Пташицкий стал соучредителем (в 1916 году), а позже вице-председателем Польского общества любителей истории и литературы в Петрограде, преподавателем и проректором Польских высших научных курсов, открытых благодаря стараниям его общества, сотрудником ежемесячного издания „*Muś Narodowa*”, издаваемого Богданом Винярским³⁸. После февральской революции 1917 года он вошел в состав комиссии, которая должна была проверить правовые положения, относящиеся к римско-католической церкви в России. Позже Александр Ледницкий, председатель Ликвидационной комиссии по делам Царства Польского, позвал его на работу

³⁶ Первый том *Mémoires du roi Stanislas-Auguste Poniatowski* подготовил к печати директор государственного архива России Сергей Горяинов. После его смерти (1918 г.) и смерти Александра Лаппо-Данелевского (1919 г.), который продолжал работу над мемуарами, изданием второго тома занялся Сергей Платонов. В польском фрагменте имеется упоминание, что „Перевод [...] осуществлен по уполномочению Императорской Академии Наук в Петрограде под ред. д-ра Владислава Конопчинского и проф. Ст. Пташицкого”. См.: J. R ó z i e w i c z, *Polsko-rosyjskie powiązania naukowe...*, указ. соч., с. 63.

³⁷ I. S r u s t e k, *Polacy w Piotrogradzie 1914–1917*, Warszawa 1966, с. 175.

³⁸ Там же, с. 293 и след. См. также: M. S t r a w i ń s k a, *Wyższe Kursy Naukowe w Petersburgu 1916–1918. Uniwersytet Lubelski. Polonistyka. Romanistyka. Pedagogika 1921–1926*, [в:] *Katolicki Uniwersytet Lubelski we wspomnieniach pierwszych studentów z lat 1918–1925*, red. G. Karolewicz, Lublin 1978, с. 55 и след.; J. R ó z i e w i c z, *Polskie środowisko naukowe w Petersburgu w latach 1905–1918*, [в:] *Polsko-rosyjskie związki społeczno-kulturalne na przełomie XIX i XX wieku*, Warszawa 1980, с. 202, 207–208.

в I Отделе по делам, бывшим под управлением Комиссариата Министерства двора и уделов, а также в IX Отделе, включающем образование, общественные учреждения и дела католической церкви³⁹. Активную деятельность Пташицкого в России прервала большевистская революция. После более чем сорока лет жизни на Неве, он решил покинуть Петроград. Прибыв в Польшу, он был назначен директором Польского архива в Люблине⁴⁰. Еще в июне 1918 года его пригласили на работу в качестве профессора вспомогательных наук истории в Люблинском католическом университете⁴¹. В 1918–1919 гг. он исполнял функции декана Гуманитарного факультета и директора библиотеки этого университета. В университете Пташицкий преподавал латинскую и славянско-русскую палеографию, европейскую дипломатику, хронологию, сфаястику и грамматику старославянского языка. С декабря 1918 года он также принимал участие в совещаниях на тему учреждения и организации Университета Стефана Батория в Вильнюсе⁴². В 1919 году он начал здесь преподавать вспомогательные исторические науки. Пташицкий был одним из организаторов и первым директором университетской библиотеки, управление которой в скором времени передал Людвигу Яновскому⁴³. Летом 1920 года в результате большевистского нападения он был эвакуирован вместе с вильнюсским вузом. Несмотря на сильную эмоциональную связь с Вильнюсом, после изгнания большевиков он вернулся в Люблин. В качестве эксперта польской стороны по архивам и библиотекам участвовал в Рижской конференции. Он стал автором положений 11 статьи договора, касающегося ревиндикации польских собраний из России⁴⁴. В августе 1922 года его призвали

³⁹ W. T o p o r o w i c z, *Sprawa polska w polityce rosyjskiej 1914–1917*, Warszawa 1973, с. 322 – ссылка 180, с. 324 – ссылка 185.

⁴⁰ M. T r o j a n o w s k a, *Ptaszycki Stanisław*, [в:] *Słownik biograficzny archiwistów polskich*, t. I: 1918–1984, Warszawa–Łódź 1988, с. 179.

⁴¹ G. K a r o l e w i c z, *Nauczyciele akademicki Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego w okresie międzywojennym*, t. II, Lublin 1996, с. 182. Свои лекции по вспомогательным наукам в Люблинском католическом университете он издал двукратно: первый раз в 1919 году под назв. *Encyklopedia historii i literatury* и в 1922 году под назв. *Encyklopedia nauk pomocniczych historii i literatury polskiej*. Cz. I.

⁴² *Ludwik Kolankowski 1882–1956. Zapiski pamiętnikarskie*, Toruń 2012, с. 123, 131, 138, 140.

⁴³ В короткой биографической статье Пташицкого об этом упоминает его двоюродная внучка Г. Пташицка-Хойнацка. См.: *Z dziejów Almae Matris Vilmensis. Księga pamiątkowa ku czci 400-lecia założenia i 75-lecia wskrzeszenia Uniwersytetu Wileńskiego*, red. nauk. L. Piechnik SJ, K. Puchowski, Kraków 1996, с. 386–387.

⁴⁴ K. W. K u m a n i e c k i, *Odbudowa państwowości polskiej. Najważniejsze dokumenty 1912 – styczeń 1924*, Warszawa–Kraków 1924, с. 534–537. Статья имела название *Zabytki i archiwa*.

в качестве члена Смешанной польско-советской специальной комиссии, созданной с целью реализации подписанных ранее документов. На ее пленарном заседании 14 сентября 1922 года в докладе, посвященном бывшей Императорской публичной библиотеке в Петрограде (с 1932 года – Библиотеке им. М. Салтыкова-Щедрина), Пташицкий отстаивал права Польши на библиотеку братьев Залуских, переданную этой библиотеке Екатериной II после третьего раздела Польши⁴⁵. Он принимал участие в съездах историков в Познани в 1925 году и в Варшаве в 1930 году. В 1926 году Пташицкий стал главным директором Государственных архивов. По его инициативе в 1927 году начало издаваться специализированное издание „Археион” („Archeion”), десять томов которого появилось под его редакцией. На пенсию по собственному желанию Пташицкий вышел в 1931 году. Умер два года спустя в Варшаве.

Как в России, так и позже в Польше Станислав Пташицкий был необыкновенной фигурой. Станислав Кентшинский в статье *Роль Станислава Пташицкого в Петербурге* (*Rola Stanisława Ptaszyckiego w Petersburgu*), в которой он вспоминал об этом человеке, подчеркивал, что:

[...] во время своего долголетнего пребывания в столице на Неве он был там последним представителем Научной Республики Польша. Это была тихая деятельность, без блеска, многие ей охотно пользовались, и много сегодня уже практически забытых поводов для благодарности можно бы вытащить на дневной свет⁴⁶.

Похожее мнение мы встретим у Казимежа Конарского, архивиста, который столкнулся с Пташицким уже в 20-х гг. Очарованный его личностью, Конарский писал, что

[...] хотя бóльшую часть жизни он провел в России, всю свою жизнь нацелил на службу Польше и, не считая языковых мелочей, Востоком совсем не пах. К нам [в Отдел государственных архивов] он пришел в славе ученого европейского масштаба, а что он умел защитить этот свой авторитет, так от него просто исходило величие, с которым считался каждый малый или великий этого мира⁴⁷.

В литературе, посвященной Пташицкому в период между двумя мировыми войнами, особенно много места было отведено его хлопотам

⁴⁵ S. P t a s z y c k i, *Wywożenie do Rosji polskich zabytków kulturalnych i zwrot ich obecny*, „Przegląd Powszechny” 1923, t. 157, c. 193–220.

⁴⁶ S. K e t r z y ń s k i, *Rola Stanisława Ptaszyckiego w Petersburgu*, „Archeion” 1934, t. XII, c. 47.

⁴⁷ K. K o n a r s k i, *Dalekie a bliskie. Wspomnienia szczęśliwego człowieka*, Wrocław–Warszawa–Kraków 1965, c. 240.

там по ревиндикации польских памятников культуры, находящихся в России. Писали о его контактах с Академией Умений в Кракове, профессорами Ягеллонского и Львовского университетов. Зато обошли вниманием контакты с российскими учеными: Алексеем Соболевским, Алексеем Шахматовым, историком Сергеем Платоновым и другими. Вспоминая заслуги Станислава Пташицкого, мы не можем, однако, забыть, что образование он получил в России, в университете хорошего европейского уровня. Его наставниками, а потом коллегами были блистательные ученые, благожелательно настроенные на польскую культуру и литературу. Более десятка лет спустя он в этом университете преподавал польскую литературу, в большинстве для русских. Было забыто также, что Пташицкий многое сделал в Польше для распространения русской культуры. В 1909 году на Толстовской выставке в Санкт-Петербурге он организовал польский отдел, который включал как польские переводы романов и повестей знаменитого писателя, так и польские работы о Толстом. В статье, обсуждающей выставку, Пташицкий показал многочисленные связи Толстого с польской литературой. В сравнении с европейской славой польский отдел Толстого выглядел внушительно.

На основании научных достижений Пташицкого и его богатой педагогической деятельности можно сделать вывод, что он был также прекрасным знатоком русской культуры и литературы. Ведь неспроста как русские, так и поляки называли его послом культуры на Неве. Наряду с эллинистом Фаддеем Зелинским он, несомненно, относится к самым выдающимся ученым-полякам, связанным с Петербургом рубежа XIX–XX века.